

Ледовитого океана, где вздымаются, как живые, грозные валы. От моря поэт спускается на юг — до болгар, владевших в это время областью Камы и даже взявших Устюг в 1219 г., от болгар до буртас, до черемис и мордвы (с этими народами воевали Всеволод III и его сыновья). Все это было волею божиею покорено «крестьянскому языку», т. е. русскому народу, все эти «поганские» страны.

Это горделивое противопоставление избранного культурного народа окружающим его кольцом иноверным, по большей части языческим народам типично для средневековья и показывает, как национальное сознание обостряется на почве религиозных различий.

Интересно сравнить этот список соседей с первыми страницами Начальной летописи, так же ясно разграничивающей народности: «Се бо токмо словенск язык в Руси. . . а се суть иные языци, иже дань дают Руси. чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печора, ямь, литва, зимегола, корсь, норова, либь, си суть свои язык имуще». Этот список составлен во времена Ярослава Мудрого. Через два века он несколько изменился: чюдь пропущена (она подчинена датчанам), меря, весь, мурома вошли в состав Русской земли, черемиса, мордва и литва остались, печеры и пермь заменили буртасы и болгары, а вместо зимеголы, корси, норовы и ливи, дававших дань Руси, появились новые их господа — немцы.

С этим перечислением соседей и данников связан третий отдел «Слова» — исторический, с подробностями об отношении этих соседей к Руси в недавнем прошлом. «Поганские» народы были будто бы покорны великому князю Всеволоду, властному главе Мономахова племени (1176—1212), отцу его Юрью князю Киевскому, т. е. Юрью Долгорукому, умершему на великокняжеском престоле в Киеве в 1157 г., и деду его Владимиру Мономаху. Эти три имени, три поколения достаточно легитимируют власть суздальских мономашичей (в том числе и Ярослава Всеволодича) и выражают неумирающую идею единства распадающейся Руси.

С именем Мономаха связан целый ряд красочных, легендарных образов — это пожалуй самая интересная часть отрывка. Его именем половцы страшили своих детей в колыбели; можно вспомнить, как Ипатьевская летопись говорит о правнучке Мономаха, Романе Волынском: «бе изострился на поганья, яко лев, им же половци дети страхаху». Во всех этих образах заключена скрытая антитеза: прошлое величие и настоящее бессилие. При Мономахе литва не смела «выинкнуть» на свет из болот — теперь она осмелела и нападает на Полоцк, Торопец и Ржев. Тогда угры укрепляли каменные горы железными воротами, боясь Мономаха, теперь они притязают на Галицию, и Коломан даже коронуется в Галиче. Ноткой иронии врывается шутка: «а немцы радовахуся, далече будуче за синим морем». Действительно, во времена Мономаха немцы не появлялись еще на балтийских берегах, теперь они укрепились там, взяли Юрьев и угрожают Пскову и Новгороду. Восточные инородцы — буртасы, черемиса, мордва и вьда — бортничали на Мономаха, т. е. давали ему дань диким медом, теперь приходится воевать с непокорной Мордвой.

Наконец, последняя, самая интересная легенда: сам царь кир-Мануил опасался Мономаха и посылал ему великие дары, чтобы великий Володимер не взял у него Царьград. Об этой фразе в «Слове» писали больше всего, начиная с византиниста Х. М. Лопарева. Ясно, что это начало легенды о Мономаховом венце: сам базилевс послал великому князю богатые дары, среди них могла быть и корона. В похвале рязанским князьям есть похожая фраза: «во многих странах славно имя имяша, к греческим царем велику любовь имуща и дары от них многии взимаша». Если далекие рязанские князья получали многие дары в эпоху упадка Византии, то, ко-